

Часть первая

Глава 1

Хмурым утром предзимья, под одним из первых снегопадов, в Олегов город Киев въехал великан. Мелкий снег слепил глаза, мешал смотреть, и оттого эта удивительная фигура казалась мороком — вестником зимних вьюг; протри глаза, отдерни снеговую завесу — и не будет никакого волота верхом на вороном коне.

Но волот был настоящий — ростом в четыре локтя с лишним и снаряжен как на бой — в высоком островерхом шеломе с бармицей, в кольчуге, с угорским луком в берестяном налуче, с полным кожаным колчаном стрел, со щитом на седле, а возле пояса у него был угорский же меч и кистень с каменным билом. Конь, хоть и крупный, был все же всаднику не в версту, и вместе они выглядели так, будто обычный человек вздумал прокатиться на черном козле. Но смеха вид путника не вызывал — только изумление и боязливый трепет, как перед порождением Темного Света. И пора стояла подходящая — сумрачные дни перехода с лета на зиму, когда преграда истончается и в белый свет выходит множество опасных гостей.

Появился великан, как и положено, с закатной стороны, с Моравской дороги. Люди на его пути хоронились за тыны, за углы, за кусты; иные, услышав о чуде, бежали поглядеть поближе и тоже прятались, изумленно ойкнув; и вправду волот! В толпе обычных людей он бы так же бросался в глаза, как конь среди козьего стада. Не замечая изумленной толпы, волот проехал предградья, миновал старый жальник и приблизился к Киевой горе. Осмотрев ее снизу — срубную стену на валу, ворота, — он будто впервые обнаружил поблизости людей и обернулся.

Все, кто шел за ним в почтительном отдалении, отшатнулись.
— Эй, люди добрые! — окликнул волот. Голос у него, против ожидания, оказался звонкий, да и бороды не имелось, стало быть, исполин был молод. — А что, князь ваш, Олег, на этом пригорочке живет?

Поначалу никто ему не ответил: каждый надеялся, что окрик относится не к нему, больший хоронился за среднего, средний за меньшего..

— Нет! — звонко выкрикнул мальчишка лет восьми-девяти, кажется единственный, кто без боязни таращил круглые глаза. В этом возрасте любое диво еще воспринимается как должное. — Там бояре сидят!

— А где же князь? Поди сюда, воробей, не бойся! — Волот улыбнулся, и его румяное лицо показалось даже миловидным.

— А князь вон тама! — Мальчишка показал на Олегову гору. — Подалее проехать!

— Дорогу покажешь? А я тебя на коне прокачу.

— Взаправду?

— А то как же!

— Не лажь, малец, — опасливо предостерегли из толпы.

Но мальчишка, не слушая, подошел к волоту, продолжая зачарованно его разглядывать. Еще бы: у того все было больше, чем у людей, от черевьев до шлема. Каждый из его поршней был так велик, что иная баба могла бы в нем белье мыть, как в лохани.

— Давай! — Волот протянул руку — ладонь была с хорошую миску, — подхватил мальчишку и посадил перед седлом.

— Как тебя звать?

— Веляк.

Волот хмыкнул от этого несоответствия имени и его обладателя¹.

— Ну, поехали!

Веляк — названный так, надо думать, в надеждах на будущее, а пока щуплый белобрысый мальчик с покрасневшим от холода носом, в потертом заячьем козушке, — сидя перед великаном, напоминал воробья.

¹ Веляк — великан. (Здесь и далее примечания автора.)

— На одну ладонь положит, другой прихлопнет, — пробормотал кто-то в толпе.

— На один зуб ему придется!

— Матери-то скажите!

— Это чей был?

— Да Белегостя-кожемяки.

— Смотреть за дитем некому, вот и попал..

Между киевскими горами теснились дворы, сады, огороды, и конь шел шагом, иначе подавил бы народ. Порой попадался воз, чей хозяин, завидев едущего навстречу dospешного¹ волота, замирал в изумлении, и тому приходилось придерживать коня и ждать, пока встречного добрые люди вытолкают с дороги. То и дело доносились выкрики, кто-то приседал, прячась за плетнем, чтобы тут же выглянуть опять: любопытство пересиливало страх.

— Ой, божечки!

— Князю скажите! За отроками посылайте!

— Да он сказал, к князю и едет.

Такие гости не приходят просто так. Что за весть уроженец Темного Света несет князю Олегу, всему Киеву-городу? Вызов на бой? Требование дани? Сватовство Кощя к княжьей дочери?

Спровожаемый суетой и гулом, волот стал подниматься на Олегову гору. Здесь пошли дворы богатые: Олеговых бояр, воевод и торговых людей. Хозяева выходили к воротам и разевали рты, а потом тоже шли следом.

— А ты издалека ль путь держишь? — деловито осведомился тем временем вожатый.

— С гор Угорских, из земли Трояновой.

— Ты там живешь?

— И я живу, и весь род мой.

— А к нам зачем?

— Много будешь знать — скоро состаришься! — Молодой волот улыбнулся.

— Все так говорят... — с такой привычной горечью вздохнул мальчик, что волот рассмеялся. — Тебе хорошо, — добавил Веляк, — тебе небось сроду не говорили: ты-де мал еще!

¹ Доспешный — снаряженный для боя.

Волот аж в седле покачнулся от хохота. Тут и кияне начали несмело улыбаться: тот, кто так звонко смеется, едва ли может быть опасен.

— Вон княжьи ворота! — Веляк показал вперед.

— Ну, спасибо, что проводил!

Перед княжьим двором волот придержал коня и ловко спустил Веляка наземь. Помахал ему ручищей и проехал к воротам.

Ворота были открыты, но в проеме выстроилось человек десять Олеговых гридей: тоже в наскоро надетых шлемах, передний ряд — со щитами и топорами, задний — с копьями.

— Стой! — выкрикнул десятский. — Кто таков? Чего надо?

Они не всех незнакомцев так встречали, но при виде этого десятский подрастерялся.

— Будьте живы, кияне! Надо мне князя повидать, Олега, — спокойно сказал волот. — Зла ему не мыслю, мать сыра земля мне послух. Он дома?

— Оружие сдай, — более мирно, но с оттенком настороженности ответил десятский. — Не положено у нас кому попало к князю с оружием заходить.

— Положено — сдам, — согласился волот.

Длинное, просторное здание гридницы — во время пиров там усаживалось за столы человек триста, — со стороны двора имело просторное гульбище, где можно было поставить столы еще человек на сто. Сейчас там толпились гриди, во все глаза глядя на диво. Челядь позабыла работать и застыла кто где. Сойдя с коня, волот привязал его у коновязи, оставил при нем кистень, меч, топор и саадачный пояс¹, потом повернулся:

— Всё? Проводите меня к князю Олегу, добро сотворя².

Его спокойствие, вежливость, миловидное юное лицо и звонкий голос и нравились, и усиливали настороженность: от существа такого роста ожидали другого, и гриди, едва увидев гостя, было настроились на драку.

— Пойдем! — Сам Рандольв, Олегов сотский, кивнул великану, приглашая за собой.

¹ Саадачный пояс — второй пояс, помимо воинского, носимый лучником, на нем висели лук и колчан.

² Добро сотворя — пожалуйста.

Но как странно было кивать тому, кто возвышается над тобой на две головы! Рандольв, мужчина средних лет, не считал себя обиженным ростом и силой, но сейчас испытал давно забытое ощущение — будто ребенок перед взрослым. Это его злило, но он держал себя в руках: не злятся на чудо. Все время хотелось протереть глаза, сморгнуть морок, чтобы увидеть стоящее перед тобой существо обыкновенным, как все. Но не получалось, и оттого Рандольва, как и прочих, не оставляло ощущение, будто эта встреча ему снится.

Следуя за Рандольвом, волот вошел в гридницу и между двумя рядами резных столбов, поддерживавших кровлю, двинулся в дальний конец. Князь киевский — русы и варяги звали его Хельги Хитрый, а славяне — Олег Вещий — сидел на высоком сиденье с резной спинкой, а у ног его лежали две огромные собаки-волкодавы: кобель пепельно-серый, а сука, его мать, почти белая. При виде неведомого гостя они подняли головы над вытянутыми длинными лапами, но остались спокойны: они привыкли к множеству чужих людей и были приучены ничего не делать без приказа.

— Вот так гость у меня! — Князь очарованно покачал головой. — Не думал, что найдется где-то еще один такой. . . Откуда ж ты?

— С гор у Угорских, из земли Трояновой. — Гость вежливо поклонился: — Будь жив, Олег! Отчего же мне не быть? Весь род наш искони там проживает, в горах каменных, в пещерах глубоких.

— Что же привело тебя?

— Службы ищу. Слыхали мы, что князь киевский Олег и славою славен, и силою силен, и богатством богат. Хочу к тебе в дружину оружную наняться.

Вошло несколько женщин: княгиня Бранеслава и младшая Олегова дочь, Брюнхильд-Стоислава. Обе они, как и сам Олег, были одеты в белую «печальную сряду» по Гриму, сыну Олега и Бранеславы, полгода назад погибшему в сражении с хазарами на далекой реке Итиль. Но если княгиня — побледневшая, постаревшая от горя, в белом походила на печальную богиню Желю, то Брюнхильд — рослая, статная, с длинной золотой косой, с золотыми моравскими подвесками на очелье и золочеными застегками варяжского платья на плечах — напоминала Солнцеву Деву, одетую в облако и убранную лучами.

Пройдя через гридницу, они осторожно обошли гостя — тот почтительно посторонился — и приблизились к Олегу. Княгиня села на свою половину престола, а Брюнхильд встала рядом с нею, и еще две пары глаз, одни карие, утомленные, а другие ярко-голубые, блестящие жизненным огнем, уставились на гостя. И тот, вопреки своему вежеству, кланяясь княгине, не сводил взора с Брюнхильд — впился глазами в ее лицо, и в ней что-то дрогнуло. Брюнхильд привыкла, что мужчины и женщины таращат на нее глаза: мужчин она влекла своей яркой красотой, а женщин изумляла роскошью греческих платьев и заморских украшений. Но эти глаза — тоже голубые, хоть и не такого чистого оттенка, — не столько выражали восхищение, сколько пытались пронзить ее насквозь, увидеть весь узор ее души до самого дна.

— Смотрите, какое ди.. дело! — обратился Олег к жене и дочери, не в силах отвести глаз от гостя и невольно меряя его взглядом. — Вот.. волот, прямо с гор Угорских, хочет ко мне на службу поступить. Как тебя зовут?

— Горыня, — ответил волот, и всякий бы признал, что это самое что ни на есть великанье имя отлично ему подходит.

— Ты шлем бы снял, Горыня, — тоже вежливо, но убедительно посоветовал Рандольв. — Здесь не набросятся.. пока сам будешь тихий.

— Твоя правда, — кивнул волот. — Я, чтобы видно было, ратной службы ищущий и все нужное при себе имею.

Это гридям было понятно: богатый набор снаряжения приежжего у них вызвал понимание, а у многих — зависть. Сразу видно — не чащоба какая, человек доспешный.

Отстегнув ремень, Горыня стащил островерхий шлем вместе с подшлемником.. и по гриднице вновь пролетел изумленный крик.

Стала видна толстая темно-русая коса, с затылка уходящая под плащ. И хотя в левом ухе у волота висела серебряная серьга — знак принадлежности к воинскому сословию, — без шлема и по лицу стало видно — это, несомненно, девица!

— Ты дева? — Сам Олег вытаращил глаза и подался вперед.

— Допряма¹ так. — Великанша с достоинством кивнула.

¹ Допряма — именно так, точно.

— Ты, видно, самому Святогору-волоту сродни?

— Правду говоришь. На горах Угорских род наш обитает, испокон там сидим, от пращура нашего Трояна идет. Никакая иная земля тяжести нашей не держит. Стрыйный брат¹ деда моего так и вовсе выбрал в давние времена одну гору каменную, что крепче всех, там и лежит на ней, она одна на всем свете его тяжесть выдержать может. Как-то было, сказывают, заехал туда сам Перун, видит: гора каменная, а на ней волот лежит, сам как гора. Взял он палицу белодубовую да и вдарил со своей мочи волота по голове. А тот не шелохнется, вздыхает только. Взял Перун булатный меч, да как рубанул что было мочи! Волот вздыхает да говорит: ишь как нынче комарики разыгрались, покою нет! В третий раз ударил его что было мочи. Оглянулся волот, видит Перуна и говорит: ступай к себе на небо, перед синцами да игрецами силу показывай, а со мной тебе нечего меряться. Я и сам своей силе не рад, вот, выбрал гору да и лежу на ней..

Все в гриднице слушали в изумленном молчании: рассказ этот весьма напоминал кощуны и предания, но в устах существа столь необычного приобрел пугающее правдоподобие.

— Только теперь он уже не разговаривает, — с некоторой грустью закончила гостья. — Закаменел Троянушка, лесом порос. Теперь хоть топором его руби, хоть мечом секи, хоть дубиной колоти — не слышит.

— И много вас там таких? — спросил Олег с некоторым потрясением, высчитав, что гостья приходится двоюродной внучкой самому Трояну — великану, по имени которого названы далекие западные земли близ Угорских гор.

— Немало. Братья мои — Буря, да Туча, да Хмара. Дядья наши — Дивьян да Крушигор. Родни у нас много.

— Что же ты ушла оттуда? — спросила княгиня, никогда не видевшая столь огромной девы — на две головы выше любого в дружине и шириной в плечах не уступающей Олеговым телохранителям-берсеркам.

— Да я.. — Девица-волот скромно опустила темные ресницы. — Я среди родни моей ростом не вышла, да и силой не удалась.. Смеются надо мной.. Мне матушка и говорит: поезжай

¹ Стрыйный брат — двоюродный брат по отцу.

в Киев, поищи себе службы, авось там пригодишься. А у нас-то с братьями не тягаться мне. . .

Кое-кто из гридей сдавленно засмеялся. Вот эта вот сосна бортевая — ростом не вышла? Силой не удалась?

— Каковы же тогда братья твои? — Олег улыбнулся.

Когда он немного пригляделся, Горыня начала его забавлять.

— Ну, каковы. . . Вот было брат мой, Бурюшка, с женой повздорил, из дому убежал, бегаёт, ищет, на чем бы зло выместить. На Дунай-реку прибежал, в гору плечом уперся да двинул — гора на реку перешла да и русло засыпала. Вода людям луга и поля подмыла, они к отцу приходили, просили: Волот Волотович, не оставь милостью, сделай Дунай-реку как было!

— И что?

— Он Бурюшке велел: ты реку испортил, остолоп, ты и поправляй! Пошел поправил — отца не слушаешься. Другой брат наш, Туча, ему подсобил: он может гору любую рукою взять за верхушку да и перебросить куда захочет. Младший наш, Хмарушка, как вдарит правым кулачищем по скале — вода пойдет. Вдарит левым — огонь заблестает. Стрый наш, Крушигор, такую забаву имеет: подбросит камень, да так высоко, что тот, покуда летит, подрастет, потом упадет — враз на том месте озеро делается. . .

Горыня помолчала, вздохнула.

— А вуюшку нашего, Грознобая, мы вовсе в цепях железных держим в пещере глубокой, уж больно он того. . . как раззадорится, так удержу не знает. Коли вырвется, то пойдет все подряд крушить от дурного ума. Нам и бабка заповедала его не выпускать, кроме разве какой войны. Говорят, у бабки нашей Камены девять голов, но я ее не видела никогда, меня к ней не пускают — говорят, молода больно.

— Сколько ж тебе лет? — с жалостью, будто перед нею была бедная сиротка, спросила княгиня.

Горыня хотела ответить, но задумалась.

— Помню, как Дивьян, вуйный брат матушки нашей, жену хоронил, — стала припоминать она. — Так уж он горевал, шапкой ей на могилу землю носил — сделались горы Кавкасинские, а потом сел над тою ямой да стал слезы точить, пока не сделалось море. . . Это помню. После помню, как по тому морю Кий князь в греки ездил к цесарю в гости — тогда мне уж лет триста было. А князь Кий давно ли помер?

— Да лет триста тому, — невозмутимо ответил Олег, будто каждый день разговаривал с теми, кто видел древнего князя из преданий.

— Стало быть, мне лет шесть сотен будет.

Олег прикрыл рот рукой, пряча усмешку. Его очень забавляла эта беседа, а верить ли во все рассказанное, он пока не пытался решить.

— Ты, видать, проголодалась, от гор Угорских-то путь неблизкий.

— И не говори, господин! — Гостья доверительно улыбнулась.

— Вели на стол подавать. — Олег кивнул тиуну. — Да и нам тоже время.

Боязливо оглядываясь, челядинки проводили гостью в девичью избу, где она могла умыться; там она оставила плащ и кольчугу, а порты и короткую мужскую рубашу сменила на женское варяжское платье, выкрашенное в цвет коры молоденькой осины и отделанное узкой полоской синего шелка. Взамен шлема она надела красное шелковое очелье с парой серебряных узорных подвесок моравской работы — такому и боярские дочери могли позавидовать. Когда она в этом обновленном виде явилась в гридницу, на нее там воззрились с не меньшим удивлением: теперь это была несомненно дева, но какая! Ростом мало не со столб! Женское платье и убор даже подчеркивали необычность ее, принадлежность к другой породе — носы челядинок приходились к ее локтю. Сигдир, один из телохранителей Олега, подошел поближе — на два шага — и осторожно примерился: Горыня оказалась выше на голову с лишним. А ведь к Олегу в бережатые отбирали самых здоровенных, каких могли найти!

— Да неужели ты и правда.. вся такая? — почти в отчаянии воскликнул он.

Сигдир был родом из-за моря, но в Киеве жил уже лет десять и по-славянски говорил свободно. Северный язык, которым в Олеговой дружине пользовались так же часто, великаньей деве явно был непонятен.

— Может, там у нее не ноги, а ходули? — поддел кто-то из гридей.

— Попробуй, проверь, — почти дружелюбно предложила Горыня.

— А я проверю! — Вперед вышел Неженец — киевский уроженец, здоровяк из числа тех, кого набрали в дружину недавно, чтобы возместить большие потери заморского похода.

Не тратя больше слов, Неженец бросился к ней, пытаясь подхватить под колени и опрокинуть. Но дева оказалась быстрее — Неженец сам оказался на полу и покатился по дубовым плахам под дружный хохот.

— Ну что — настоящие у нее ноги? — спрашивали его со всех сторон. — Пощупал?

— Ноги — не понял. — Сидя на полу, Неженец почесал в затылке. — А руки того... настоящие.

Брюнхильд тоже смеялась, глядя от хозяйского края стола. Но ее удивление было не совсем то, что у прочих. Она примечала, что гостя посматривает на нее так же часто, как на самого Олега, если не чаще. Был бы волот мужчиной, то дивиться было бы нечему. Однако...

Горыню посадили за стол для гостей — по левую руку от князя, но на самое к нему близкое место, чтобы можно было продолжать беседу. Поначалу Олег новых вопросов не задавал, а больше наблюдал. На верхних концах стола подавали лучшую еду — жареных гусей и оленину, похлебку из говядины, полбы и грибов, соленую белужину.

— С такой девой надо длинную ложку иметь — а то не поспеешь, — глядя, как бойко дева Горыня опустошает миску, хмыкнул боярин Божевек, которому досталось сидеть с нею рядом и делить посуду.

— Тут не только ложку надо длинную... — буркнул Сигдир.

Брюнхильд посмотрела на Горыню, но та осталась совершенно невозмутима.

— Не зевай, боярин, оно во всяком деле полезно, — ответила она Божевеку.

На Сигдира гостя и не глянула, будто не слышала. Уж, верно, наслушалась за жизнь свою шестивековую разных глупостей, подумала Брюнхильд. А ведь для шестисотлетней великанши Горыня собой недурна: округлое свежее лицо, прямые темные брови, густые черные ресницы, короткий прямой нос. Подбородок маленький, и это смягчает черты; но скулы твердые, складка ярких губ жесткая. Казалось, если прикоснуться к ее румяному лицу, оно окажется

прочным, как камень. Брюнхильд, выросшая в Киеве и навидавшаяся разных удивительных вещей, колебалась: а что, если это и правда... Трояна-волота внучка? Если смотреть только на лицо, то всякий назвал бы Горыню милостивой, а иной — и красивой. Русая коса — ниже пояса, толстая и тяжелая, такой косой драться можно, как дубиной. Без плаща и кольчуги стало видно, что там, куда дуралеи-отроки всегда пялят глаза, у Горыни на двух девок хватит. Но красота эта грозная, нет в ней мягкости, женской податливости. И взгляд мужской — прямой, твердый, сосредоточенный. Даже балбес Сиги, не дающий проходу молодым челядинкам, пожалуй, долго бы собирался с духом, чтобы поцеловать такую деву...

Брюнхильд подавила вздох и взялась за кувшин. Серебряный, не то хазарской, не то сарацинской работы, кувшин был украшен чеканкой по золоченому полю: летят орлы, всадник стреляет из лука, потом двое борются — видно, добычу не поделили. Кувшин привезли из того похода Божевик с Унерадом и поднесли Олегу — князю, снарядившему войско, полагается третья часть добычи. Брюнхильд еще раз вздохнула, подумав о Гриме: если бы брат вернулся и сам привез свою добычу, таких сокровищ у них был бы полон дом.

Чашник налил в кувшин пива, Брюнхильд взяла его и пошла к верхнему краю стола — это была ее почетная обязанность, которую княгиня Бранеслава все чаще ей доверяла. Гостя тем временем показала, что и вместительностью чрева не опозорит свой род — гуся умяла в одиночку, только косточки на зубах хрустели. Гриди, бояре, гости, да и сам князь не столько сами ели, сколько наблюдали за нею. Брюнхильд бросила взгляд на Рагнара, своего последнего оставшегося в живых брата, — тот, похоже, вовсе забыл про еду и не сводил с Горыни потрясенных глаз.

— Закрой рот — ворона влетит! — шепнула Брюнхильд, подойдя к нему с кувшином.

Рагнар лишь подвинул ей свою чашу голубого стекла, но едва ли услышал.

— А скажи-ка, дева, — задал вопрос боярин Избыгнев, Олегов свойственник¹, — если ваше племя столько лет живет, то как же у вас умирают?

¹ Свойство — некровное родство, возникшее благодаря браку других родственников.

— А умирают у нас так. — Горыня обстоятельно вытерла опустевшую миску от похлебки ломтем хлеба, отрезанным во всю ширину каравая, и, оглядев стол, подхватила кусок оленины. — Идут, скажем, трое по горам. И вдруг видят — каменная домовина лежит. Давай примериваться — для кого? Один ляжет — ему длинно. Другой ляжет — ему узко. Третий ляжет — ему будет в самый раз. И коли та домовина для него и назначена, то вдруг, откуда ни возьмись, сама собой крышка выскочит, накроет ту домовину, земля разверзнется, и она в глубь земную уйдет. Это значит — вышел срок волоту, сама земля-мать его назад позвала. А мы, родичи, к тому месту сходимся, каждый земли принесет — кто в шапке, кто в поршне, а кто просто в горсти. И как высыпем ту землю — вырастает новая гора...

В это время Брюнхильд подошла к ним с кувшином. Налила пива Избыгневу, потом Божевеку, перешла к Горыне. Не переставая рассказывать, та подняла на нее глаза, и ее взгляд показался Брюнхильд очень пристальным, говорящим. Горыня взялась за поданную ей чашу, придвинула ее к Брюнхильд и повернула кисть тыльной стороной вверх.

Невольно Брюнхильд глянула на эту крупную кисть — не меньше мужской, — и что-то привлекло ее внимание.

Перстень на мизинце. Серебряный перстень с щитком, а на нем узор... в виде орла, раскинувшего крылья, с ягодой в клюве.

Брюнхильд резко втянула воздух. Несколько мгновений она неотрывно смотрела на перстень, убеждаясь, что глаза ее не обманывают, потом взглянула в лицо Горыне.

С близкого расстояния ее снова поразило, как же та огромна. Это не человек, это иная порода, люди такими не бывают — все это она уже думала раньше... только о другом знакомце.

А Горыня, прямо встретив ее взгляд, которого ждала, чуть заметно ей подмигнула. Слегка дрогнуло веко — не смотри Брюнхильд так пристально, могла бы не заметить.

Но она заметила. Руки ее слегка дрожали, когда она осторожно наливала пиво в чашу, а сама все смотрела на перстень.

Это тот самый. Перстень с орлом, уже ей знакомый. Так сильно забилося сердце, что Брюнхильд едва не задыхалась. Грудь вздымалась, кровь бросилась в лицо. От волнения загорелись корни волос. Так и хотелось спросить: это правда?

Хотя времени прошло достаточно. Два месяца уже есть, она и сама считала дни, думая, что уже пора бы тому человеку появиться. Но она ждала человека! А не великана, да еще девицу!

Она снова взглянула в лицо Горыне. Отвечая на вопрос в ее глазах, та значительно кивнула. А вслух добавила:

— Благо тебе буди, княжна.

Брюнхильд пошла вдоль стола дальше, не чуя под собой ног и даже забыв, зачем она здесь. Шага через три опомнилась — Избыгневовых сыновей миновала, обидятся. Вернулась, виновато улыбаясь. Ничего: ее волнение отнесут к встрече с поляницей-волоткой. Любая бы волновалась, увидев такое чудо среди племени девичьего. Даже Олегова дочь.

Лишь бы никто не догадался связать эту великанку... с другим великаном, который был в Киеве два месяца назад. С Амундом, князем плеснецким. Но никто другой, кроме Брюнхильд, от него гонцов не ожидает. Ни одно чужое ухо не слышало, как в их последнюю встречу он сказал ей: «Я уеду, а через месяца два-три к тебе придет человек, скажется умелым сокольничим и попросится на службу. Он покажет это самое кольцо, и ты будешь знать, что это мой человек. Когда придет пора — отправь его ко мне. И я сделаю то, что ты надумаешь, или сам надумаю, как быть».

Никто бы не удивился, если бы к ней приехал наниматься на службу сокольничий, — все знали, что дочь Олега любит ловчих птиц, сама их выращивает и охотится. Она и ждала какого-нибудь молодца. Но перстень — тот самый. В этом Брюнхильд не могла ошибиться: на память у нее осталась серебряная чаша, где на дне чеканкой изображен орел — точно такой же, как на этом перстне. То и другое было из Амундовой добычи сарацинского похода. Чашу он подарил Брюнхильд, когда она помогала ему приносить на Святой горе благодарственные жертвы богам. Но она увидела в этом даре нечто большее. Это было и признание, и обещание. Орел на дне чаши был не один — он увлекал с собою в небо обнаженную женщину, сжимая когтями ее бедра, а она подносила к его клюву какую-то большую ягоду. Брюнхильд догадалась: это Идунн с ее яблоками бессмертия, которую похищает Тьянци, великан с севера в облике орла.

Она держала эту чашу в ларе с платьем и украшениями как самое дорогое свое сокровище. Даже Олег, получив от греческих

цесарей дань, не много привез чаш, подобных этой. Брюнхильд часто рассматривала ее, улетаая мыслями в то самое небо, куда орел уносил богиню вечной юности. А потом ей снились объятия Амунда — то, чего она еще не испытала наяву, — и она просыпалась в горячем мучительном томлении.

Сколько она перевидала за жизнь удальцов и красавцев! Сколько из них пытались ей понравиться! Но понравился ей, вроде бы не прилагая к этому никаких усилий, тот, кого красавцем никак не назовешь. В ней вызвал страсть тот, к кому обычная женщина и подойти бы побоялась. Но она, Брюнхильд, не из трусливых.

И вот он здесь — обещанный посланец. Брюнхильд охватила лихорадочная радость. Пока что она не могла приблизить встречу с Амундом, но эта весть от него была ей дороже золота. Он по-прежнему желает заполучить ее... Хотя дело это настолько трудное, что без волшебных помощников не обойтись. Как в сказке, где трудному сватовству помогают три волота — Дубыня, Усыня и Горыня.

Обед продолжался. Горыня ела и пила за троих, да с таким вкусом, что и все прочие охотнее обычного налегали на еду.

— Ну, что ты думаешь? — шепнула Брюнхильд, подойдя с кувшином к отцу.

— Все наши косятся на нее... глаза по шелягу. Я бы и сам, не будь я князем, не очень бы обрадовался, если бы со мной в дружине состояла дева, да еще на две головы меня выше!

— Ну и что? Ни у кого в дружине поляниц нет, а у тебя будет! Пусть завидуют! А если боишься, что отроки будут недовольны, отдай ее мне. Ох, батюшка! — взмолилась Брюнхильд, как будто эта мысль явилась ей в этот самый миг. — Правда, отдай ее мне! Пусть она мне служит!

— Тебе она зачем? — Олег засмеялся. — Ратью на кого собралась?

— А пусть... охраняет меня! Я хочу, чтобы у меня тоже был свой бережатый! Ну ба-атюшка! — с привычным ей умильным задорным видом заняла Брюнхильд.

— Ты же дома живешь! К чему тебе бережатые?

— А вдруг поеду куда?

— Так со мной поедешь, не одна же!

— А как я по Киеву езжу без тебя, на стрельбище, или кататься, или птиц учить, беру с собой твоих отроков, и если возьму одного в месяц раза два, так они принимаются выдумывать себе невесть что! А будет у меня дева-бережатый — никто ничего не скажет!

— Это, конечно, лучше, — с сомнением подтвердил князь. — Да не слыхал я, чтобы у княжьих дочерей свои бережатые были!

— Вот видишь! — горячо подхватила Брюнхильд. — Ни у кого не было, а у меня будет!

Олег вздохнул, но притворно — такое отличие собственной дочери и его забавляло. Ему не требовалось объяснять, что дочь его Брюнхильд-Стоислава — необычная дева, единственная на свете, несравненной красоты, ума, ловкости и отваги, и она, безусловно, заслуживает иметь то, чего ни у кого больше нет! Такой он ее растил с детства, и такой она выросла. В самом Костянтин-граде такой нет — Олег знал это лучше всех. И пусть Бранеслава ворчит, что он избаловал девку сверх границ. Кого же баловать, как не любимую дочь князя киевского?

— Ну, Троянова внучка, — обратился он к Горыне, когда обед подошел к концу. — Коли по нраву тебе мой хлеб, то я готов тебя испытать. Если ты и впрямь не зря оружие носишь, то возьму тебя служить моей дочери. Чтобы девицы князьям служили, такого у нас не водится, а вот для дочери моей я такую поляницу возьму.

Горыня встала из-за стола и почтительно поклонилась:

— Испытай, княже.

— А оружие ей вручать тоже Стояна будет? — давясь от смеха, осведомился Рагнар. — Ох, хочу посмотреть!

* * *

Месяц назад Горыня сидела в такой же гриднице — чуть меньше размерами и с более старой резьбой на опорных столбах кровли. Бужанская русь, осевшая на дороге от хазар к моравам еще лет сто назад, гордилась тем, что не моложе руси смолянской, а киевской — старше. Здесь тоже имелся резной княжеский престол с конскими головами на подлокотниках, а восседал на нем истинный великан.

— Я обещал Брюнхильд, что пришлю своего человека. — рассказывал Амунд плеснецкий, то прохаживаясь перед Горы-

ней — почти в рост с опорными столбами, — то присаживаясь на край скамьи или на престол. В этом сказывалось его волнение, хотя на длинном костистом лице с неоднократно сломанным носом и в низком звучном голосе никакого чувства не отражалось. — Чтобы этот человек мог передать весть от нее ко мне, когда придет время что-то делать. Если она поймет, что ее отец никогда не смягчится и не согласится отдать ее мне, придется обойтись без его согласия. Хотя, видят боги, я ничем Хельги не обидел.

— Ты, родной, обидел его тем, что домой воротился живым, здоровым, с войском и добычей, — сказал Хавлот, шурин Амунда, старший брат его покойной жены. — А у него и сын сгинул, и дружина полегла, и от добычи ему досталось — мышинные слезы. Как же тут не обидеться?

Не в пример своей сестре, княгине Вальде, Хавлот красавцем не был: узкое вытянутое лицо, длинный нос-клюв, вечно тревожное выражение глаз. Он не был ни трусом, ни глупцом, напротив, унаследовал чародейную мудрость своего деда, Хавтора, и воеводскую должность после отца, Фрустена; просто Амунд привык, что, прежде чем получить от шурина толковый совет, надо дать ему время спокойно поволноваться.

— Уж лучше бы тебе посвататься к дочери Олава из Хольмгарда. Она как раз овдовела, а сама еще совсем молода...

Амунд сморщился, будто раскусил кислую клюкву:

— Пусть Хельги теперь сватает ее за младшего сына. А я себе невесту выбрал.

— Хельги тебе твоей удачи до самой смерти не простит! И чтобы на его дочери жениться, даже не думай! Скорее камень поплывет!

— Хельги — разумный человек, — возражал Амунд. — Ты сам его видел. Свою славу он заслужил. Но когда у человека убивают сына и с ним весь цвет старой, опытной дружины, он, конечно, будет обижен на судьбу и возревнует к тем, кому больше повезло. Надо выждать, пока он успокоится и начнет рассуждать здраво. И если он смягчится, Брюнхильд подаст мне весть, чтобы я прислал сватов. А если он не одумается... об этом мне тоже нужно знать, чтобы... взять ложку в другую руку. Мы с нею договорились, что я буду ждать год.